

Полюбивший погибает

Мне часто вспоминаются люди, когда-то населявшие время моего детства. Воспоминания, если к ним мысленно не обращаться, уподобляются тлеющим углям, которые покрылись толстым слоем золы. Стоит обратиться к чувствам, своей памяти, дать ей возможность свободно переместиться в прошлое, как открывается очень многое, получается возможность увидеть то, что тогда промелькнуло мимо, некоторые случаи переосмысливаются, получают новую оценку и толкование. Все перед глазами стоит так отчетливо, будто подуешь на подернутые золой угли, и вдруг они загораются четко и ярко.

Среди людей, долго живущих в моей памяти, стоит каким-то особняком актриса, которая жила в нашем дворе. Припоминаются всякие истории, связанные с нею, ведь они происходили в ту пору, когда все кажется особо интересным и значимым, потому что ты еще не так давно стал жить на этой земле, не успел разочароваться и извериться. Некоторые факты мне были неясны, многие всплывают из памяти, как из тумана прошлого. Актриса жила на одном балконе с нами. Звали ее Эвелина Исакян. Появилась она у нас не так давно, обменяла свою квартиру после горестных событий, которые обрушились на ее голову.

В ту пору у нас в Кировабаде люди были очень увлечены индийскими фильмами, индийской моралью, которая внушала, что всего важнее не деньги и золото, а духовное богатство. Напротив нашего дома на улице Горького находился кинотеатр «Смена». Народ валом валил на индийские фильмы, после просмотра зрители сочувствовали киногероям, долго мусоля истории их верности и любви. Вели разговоры в стиле индийских киногероев. А если вдруг одного из фанатов кино что-то в тоне собеседника не устраивало, то он грозно поднимал брови и отвечал с необходимой для ущемленного самолюбия едкостью. Жизнь в кино и в нашем городке как-то причудливо переплеталась. Кино казалось самой настоящей иллюстрацией жизни почти каждого горожанина, а жизнь казалась слишком похожей на то, что с такой жадностью смотрели на экране. Мы, дети, передевались индийцами, пририсовывали на лбу родинку, и пытались петь и танцевать, как знаменитые индийские актеры. Взрослые говорили с назиданием, поднимая пальцы вверх, с интонациями актеров, которые исполняли роль индийских мудрецов. Девушки, уединяясь, шептались с подружками о том, как Он посмотрел, что Он сказал и прочее. А потом, вздохнув, пели любовные песни, которые перекликались со струнами их влюбленной, напоенной мелодиями души. Повсюду из раскрытых дверей шашлычных

неслись протяжные любовные песни, исполняемые певцами - любителями. В то время в нашем городке, пропитанном сентиментализмом, была настоящая эпидемия самоубийств, поводом для них служили нестерпимые любовные муки. Вряд ли, кто из тех, что прекращал свою жизнь во имя любви читал стихотворение Генриха Гейне «Асра»... Но, получилось, как в этом знаменитом стихотворении: «Полюбивший погибает». Брат Эвелины, механик, то ли был, действительно, страстно и безнадежно влюблен, то ли находился под влиянием индийских фильмов, но однажды он повесился у себя в будке после последнего сеанса. В предсмертной записке он объяснял свой поступок тем, что любит давно и безнадежно замужнюю женщину, и не мыслит себе жизни без нее. Этот поступок свел в могилу его пожилую мать. Помню, как долго народ обсуждал все это.

Мой папа возмутился, назвал механика слабаком, неврастеником и эгоистом, ведь он своим поступком убил мать, принес страдания родной сестре. Ну а некоторые удивлялись силе любви механика и сочувствовали ему, с жаром оправдывали его роковую глупость. Потом долго обсуждалась другая история. У соседа Ашота, дом которого находился рядом с речкой, где женщины полоскали белье, а мы затевали свои бесконечные игры, умерла молодая жена. На ее похоронах, убитый горем Ашот рвал на себе волосы, кидался в открытую могилу, его с трудом удерживали. На могильном камне жены он велел высечь слова: «Дорогая Седа. Жди меня. Я очень скоро приду к тебе. Твой муж Ашот». Все соседи замерли, предвкушая новые душераздирающие события. Спрашивали друг у друга, как там, мол, жив молодой вдовец или нет. Удивлялись, что он все еще продолжает есть и пить, ходить на работу. А через полгода Ашот влюбился в молоденькую учительницу, которая приехала к нам в Кировабад по направлению, и женился на ней. Все были потрясены и, казалось, слегка разочарованы. Трагический спектакль, который вот-вот должен был состояться, по вине Ашота отменился. От него ожидали, по крайней мере, буйного помешательства, как у одной из горожанок, на почве несчастной любви. Она любила скрипача из Баку. Страсть ее вспыхнула, когда он приезжал на гастроли в наш город. После его отъезда она бегала по улицам города в ночной рубашке, с растрепанными волосами, ругалась с прохожими очень нехорошими словами, затем принималась яростно ссориться с невидимыми нам людьми и плевать. Отдышавшись после невидимого нами поединка, она кричала с презрением: «Все люди – черти!!!» Кто-то нацарапал эти слова на школьном листке, приклеил к ее спине. Прохожие читали и смеялись. Так что от Ашота народ ожидал чего-то очень похожего. А он, жестокосердый, решил начать жить с новой страницы... Женщины с возмущением говорили: «Вот и верь после этого мужской любви и их страданиям». Да, долго не могли простить Ашоту его нового семейного счастья.

Недалеко от нашего дома жила довольно интересная особа, Кларисса, которая гадала на картах. Она нигде не работала. Это очень осуждалось жителями нашего городка. Кларисса на колкости по этому поводу отвечала: «Слово работа произошло от слова «раб». Рабыней я не была и никогда не буду. Я делаю всегда только то, что мне нравится, не хочу никому служить и в ноги кланяться...» Что ж, доводы были убедительными. К этой самой Клариссе, стесняясь и чуть ли не тайком, приходили мужчины и женщины, чтобы она им предсказала судьбу. Она принимала всех с большой важностью, с неизменной папироской в зубах, пододвигала блюдо с жареными семечками для угощения и начинала гадать замирающим от нетерпения клиентам. Конечно, почти всем была предсказана женитьба или замужество, удача в делах и быстрое, сказочное обогащение. Иногда, конечно, говорилось что-то неопределенное и тогда клиенты приходили снова и снова, чтобы она выяснила, наконец, скоро ли они станут счастливыми. Обычно, она говорила так: «Я вижу на картах благородного, благочестивого короля...» и многое такое. Мужчин и женщин она называла одинаково: миляга. Посетители были рады ее предсказаниям и охотно верили всему тому, что она им говорила. Как тут не вспомнить умницу Вольтера: «Люди легко верят тому, чего страстно желают».

Вспоминается, как в какую-то пору умы наших горожан были заняты историей любви одной из жительниц соседней улицы, на которую загляделся красивый молодой человек после недавней демобилизации. Кстати, она тоже была клиенткой Клариссы. Совпали предсказания гадалки о том, что ее ждет неожиданная встреча с человеком, который, вскоре назовет ее женой. Так и вышло на самом деле. Странно, удивлялся народ, что в ней такое нашел этот статный красавец? Девушка не осталась в долгу и пылко влюбилась в своего поклонника и часто, по словам ее подруги, уединялась, чтобы втихую петь любовные песни. Родители парня быстро сосватали эту девушку. Невеста призналась своей подруге, что она не верила своему счастью и думала, что все это происходит не с ней. Свадьбу сыграли пышную. Мы, дети и взрослые, охваченные любопытством, выбежали на улицу, потому что все, что происходило, слишком смахивало на какое-то старинное действо. Был теплый весенний вечер, а родители жениха и невесты, родственники и гости ходили по нашей улице с зажженными факелами в руках. Некоторые прижимали к груди букеты цветов и свертки с подарками для молодых. Честно говоря, мы долго так и не могли понять, для чего затеяли этот почти карнавал, причем тут факелы? Что они символизировали? Но самое непонятное произошло некоторое время спустя. Молодой красивый муж, устроившись на заводе токарем, стал подозрительно часто общаться с дочерью своего начальника. По всем приметам чувствовалось, что это не обычные беседы недавнего молодожена, а им движет любовный интерес. На его внезапно

вспыхнувшее чувство дочь начальника ответила взаимностью. После двух месяцев тайной любви они за чертой города, в безлюдном месте вырыли яму и взорвали себя самодельной бомбой. Говорят, что оба они были в состоянии алкогольного опьянения. Тем не менее, наших горожан очень удивил так замысловато спланированный уход из жизни. Ну и чудачки... Ни в одном из фильмов не было ничего похожего...

Когда, после перевозки своего имущества, наконец, появилась Эвелина, жители нашего двора с нескрываемым любопытством разглядывали Эвелину. Но она не выглядела страдальцей, наоборот, слишком часто улыбалась. Видно, шептались злые языки, кто-то помог ей слишком быстро оправиться от семейных трагедий. А мне Эвелина казалась настоящей красавицей, мне нравился ее голос, смех, шутки. Она любила наряжаться в голубые и бирюзовые платья. Они ей очень шли. Эвелина первое время забывала наши имена и всех звала одинаково: «Крошка моя». Когда она проходила мимо, то долго еще в воздухе пахло приятными духами. Мы с моей подругой Аидой стали бегать в мужскую парикмахерскую, что находилась рядом с нашей баней. Оттуда неслись приятные запахи. Мы входили в парикмахерскую и стояли, затаив дыхание у дверей. До чего приятно было слышать и смотреть, как быстро щелкает парикмахер ножницами, не переставая вести беседу с клиентом, затем, в самом конце виртуозным движением встряхивал с белой материи постриженные волосы клиента на пол. После того, как парикмахер пульверизатором, полным одеколона, освежал голову клиенту, мы с Аидой мигом подставляли свои головы, и пахучий дождь одеколона обрызгивал и нас. Парикмахер только улыбался, глядя на наши ребячьи уловки. Мы его долго благодарили и убегали. Но, конечно, дешевый запах одеколона никак не мог сравниться с дорогими духами Эвелины. Эвелине в то время было тридцать четыре года, но выглядела она моложе своих лет. Редкое театральное представление обходилось без участия Эвелины. Зрители обожали ее, трудно было не подпасть под обаяние ее симпатичного дарования.

Контакт со зрительным залом одухотворял ее игру. Эвелина исполняла роли с большой естественностью, все жесты казались заимствованы из самой жизни. После спектаклей у нее почти всегда было шумно и весело. В ее уютную, узенькую комнату, полную цветов и всевозможных безделушек, забивался различный народ, посещали ее почти юные актеры, а были и совсем потасканные на вид мужчины, но с крашеными волосами, крашеными усами. Им казалось, что перекрашив волосы, они стали юнцами и никто не замечает их дряблой кожи и множества морщин. Женщины ходили к ней редко. Эвелине легче было общаться с мужчинами. Гости пели песни, декламировали стихи, репетировали роли. Эвелина брала в руки гитару, повязанную пышным алым бантом, и пела красивые и трогательные романсы. Мне очень нравилось ее слушать. Чаще всего

романсы эти рассказывали о неудавшейся любви. Папа мой был фокусником, и тоже причислял себя к среде нашей соседки, поэтому они с мамой тоже заходили к ней в гости, а она часто навещалась к нам. Эвелина в основном потчевала гостей жареными цыплятами. Было такое впечатление, что она больше ничего не умела готовить. А мама с папой готовили много вкусных блюд. Вместе с папой ходил к Эвелине и друг папы, пианист, некрасивый и уже немолодой мужчина с рябоватым лицом, но его красила добрая улыбка и умение одеваться со вкусом. Звали его Артем. Иногда Артем любил рассказывать, что, когда он был помоложе, то его страстно полюбила вдова одного из хорошо известных министров, который играл в советские времена большую роль. Папа прилюдно поддакивал ему, когда он описывал, какие безумства совершала ради него немолодая вдова, потерявшая голову от запоздалого чувства. А у нас дома папа смеялся над рассказами Артема и говорил, что едва ли это все было правдой, что Артем растратил свое время на глупые выдумки и вертопрашество. Артем не был женат, говорил, что грезил о славе, а ему не давали в семье денег, чтобы он продолжил образование в консерватории и подрезали крылья его мечте. А оседлая жизнь не для него.

Мне очень нравились актеры за то, что они были всегда нарядные, и от них хорошо пахло. К Эвелине в гости стала заходить очень симпатичная молодая женщина, певица, которая приехала из Баку. Она недалеко от нашего дома снимала комнату в семье торговца рыбой. Новую подругу Эвелины звали Любовь, или Любаша. Она устроилась на работу в училище, преподавала вокал. Иногда Эвелина, когда ходила в гости к Любаше, брала и меня с собой. Я очень этому радовалась. Потому что подружилась с дочерью хозяев, у которых снимала комнату Любаша. Это была вертлявая и жеманная девочка лет тринадцати по имени Сусанна. Она была помешана на парнях. По ее словам, полгорода мальчиков ее возраста и чуть старше - ее поклонники, те, которые не успели ей в любви признаться, говорят об этом своими страстными взглядами. Сусанна при мне звонила разным мальчикам, долго щебетала всякую чушь, а иногда пела в телефонную трубку модные в то время песни. Должна сказать, что голос у нее был очень приятный. Сусанна почему-то очень любила лягушек. Как-то ей подарили двух лягушек в аквариуме. Мы любовались ими. Но вскоре лягушки надоели Сусанне, она стала их вылавливать и играть с ними, восхищаясь их прыжками. Но однажды они ускакали от нее навсегда. Их не смогли найти. Отчим Сусанны, дядя Хорен, немало просидевший в тюрьме, сказал: «Большой грех держать все живое в неволе. Хорошо, что они сбежали от тебя». При этих словах лицо его посуровело, словно он говорил это не только нам.

Но меня больше всего привлекал уютный дворик Сусанны, обсаженный кустами белых, желтых и красных роз. Это было очень красиво. Я тогда еще отметила про себя,

что каждая роза пахнет по-своему. Как-то мы с Сусанной порвали по розе и стали нюхать, и вдруг из кухни выбежала мама Сусанны и стала нам выговаривать: «А вы подумали о том, что сгубили красивые цветы? Им было так хорошо расти и источать аромат. Вы же их сгубили. Ведь они скоро увянут у вас в руках». Ее обвинительная речь была словно процитирована из недавно шедшего на экране индийского фильма. Казалось, она только потому и ругала нас, чтобы продемонстрировать, что и она не лишена актерских способностей. Потом она замолчала, не найдя более хлестких слов и махнула на нас рукой. Дядя Хорен был толстый низкорослый мужчина с хриплым сердитым голосом, но он довольно приветливо встречал нас. А, когда Эвелина уединялась с Любашей в ее комнате, он рассказывал нам всякие истории, которые происходили с ним, когда он сидел в тюрьме. Часто после своих рассказов он пел грустную песню «Степь да степь кругом»... Песня мне очень нравилась. Я ее впервые услышала в исполнении дяди Хорена, и мне до слез было жаль ямщика, его горькой участи. После паузы, которая наступала в конце песни, он говорил, что стал честным человеком, порвал с друзьями-ворами, а теперь вот достиг скромного преуспевания, занимается продажей рыбы. Да, в самом деле, торговля их была поставлена успешно. Помимо осетра и севрюги им удавалось добыть и черной икры. Все это стоило не так уж и дорого, и папа часто покупал у дяди Хорена черной икры нам на завтрак и осетрины, из которой мы по праздникам делали во дворе шашлык. Как-то мы с Сусанной у двери ее дома увидели, как невесть откуда взявшийся новорожденный крысенок, весь в шерсти и мокренький, слабыми ножками подошел к мусорному ящику, затем к растениям, остановился перед ними, а потом, смешно переваливаясь, волоча свой большой хвостик, снова поплелся в свою нору. Мы смеялись, глядя на него. Рядом с нами вдруг показался дядя Хорен и сказал глубокомысленно: «Для крысенка его родина, родные места – это мусорные бачки. Самое ужасное, что и для некоторых людей тоже». Сусанна не придавала значения этому разговору, а мне стало очень не по себе, я поняла, что дядя Хорен, видимо, намекает на некоторые события, которые имели прямое отношение к его прошлой жизни. Я ожидала, что он попотчует одной из его нескончаемых тюремных историй, но он замолчал и только тяжело вздохнул.

Как-то я увидела, какими нарядными выглядели Эвелина с Любашей, когда пошли на какой-то концерт, и долго не могла опомниться от молитвенного восторга. Обе были в красивых кружевных платьях, высокие каблочки их туфель громко стучали по асфальту нашего двора. Мне они казались красивей даже актрис из фильмов. Я мечтала быть похожей на них. Рядом со мной стояли друзья моего детства Гена и Аида. Они тоже восхищались Эвелиной и Любашей, особенно Эвелиной. И вдруг этот жмот Гена, впечатленный красотой Эвелины, угостил нас жареными семечками. Это совсем было на

него не похоже. Обычно трудно было его уговорить поделиться чем-то. Гена сказал, что, когда вырастет, то обязательно женится на такой красивой, как Эвелина.

- А мы? – обиделись мы с Аидой. – Мы разве некрасивые?... Женись на ком-нибудь из нас.

- Ладно, - Аида будет первой женой, а Лоретта – второй.

Тут уж обиделась я, что мне он отвел место не первой, а второй жены. Я стала к нему придирааться, не помню уже за что, а потом исцарапала его лицо. Гена рассердился и сказал, что не женится на мне после моих выходов никогда. Женщина должна быть ласковой с мужчинами, им подчиняться, а не драться. А потом Гена сказал, что так и быть, если я вдруг стану такой красивой, как Эвелина, то он может и сделает меня своей первой женой. И это меня обрадовало. Самое интересное, что этот самый Гена, когда вырос, то, в самом деле, был много раз женат. Но, конечно, не на нас. Ведь мы были все просто очень хорошими друзьями.

Однажды я спросила Эвелину, когда она впервые вышла на сцену, и Эвелина, смеясь, рассказала о своем первом актерском опыте, когда училась в школе. В школе у них организовался театральный кружок. Как-то его участники решили показать на школьном представлении сцену из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». Их труппа состояла целиком из девочек. Роль Джульетты исполняла Эвелина. Но эта трагедия вызывала у школьников неудержимый хохот. Дело в том, что брат Лоренцо (его роль исполняла ее подружка-хохотушка Тамара) положил склянку с ядом в один из своих бесчисленных карманов, а на сцене позабыл, где именно. Когда Джульетта в исполнении Эвелины слабым голосом попросила Лоренцо: «Дай склянку мне, не говори о страхе...», зрители по судорожным и растерянным движениям Лоренцо поняли, что склянка потеряна и стали смеяться. Самое прискорбное было то, что никто из учеников не успел выучить текст, и поэтому все выходили на сцену с книгами. Когда зрители увидели «Джульетту» в «гробу» с книгой, все расхохотались. Но Эвелина поднялась и заявила: «Я со своей книгой не расстанусь и после смерти...» Короче, из трагедии получился фарс. Все зрители неистово аплодировали и явились с большим опозданием на следующий урок. Эту историю Эвелина позже рассказывала много раз, и я ее хорошо запомнила.

В Эвелину влюблялись многие, а однажды посередине двора два ее страстных поклонника шумно спорили, кому она отдает предпочтение. Каждый из них кричал свирепым голосом: «Она моя!!!» На крики выбежала разъяренная Эвелина и сказала, что она их обоих терпеть не может, потому что они - безмозглые дурни, позорят ее, и пусть катятся оба к черту и держатся подальше от нашего двора. Соседи зааплодировали

Эвелине, словно присутствовали на прекрасно сыгранном спектакле. А влюбленные мужчины, понутив головы, пошли к воротам нашего дома.

Вскоре соседи стали судачить о том, что Эвелину окружил своим вниманием и заботой судья. Поговаривали, что он на окраине города строил для Эвелины двухэтажный дом, окруженный садом. Эвелина вот-вот собиралась переехать туда. Нам было жаль с ней расставаться, конечно, но каждый должен устраивать свою судьбу.

Папе с мамой предстояли гастроли в небольших городах и селах, расположенных недалеко от нашего Кировабада. В Азербайджане. Ой, до чего же мне нравились эти поездки.... До сих пор в моей памяти живы до мельчайших подробностей картины той давно прошедшей жизни. Пыльные тряские сельские дороги, мои поездки верхом на ослах. У меня сохранилась фотография как я сижу верхом на осле, навьюченном папиными чемоданами. А рядом с нами какой-то смешной мальчик держит ослика за уздечку. Я сидела на ослах верхом и со смехом наблюдала колыхание их длинных ушей. У них был такой несчастный вид оттого, что люди пользовались их безропотностью и загружали работой. Тогда они начинали жалобно кричать и сопротивляться насилию. Мне было очень интересно наблюдать за жизнью сельчан. Я засматривалась на трудяг-женщин, которые суетились во дворах вокруг тондыра, вырытой ямы, дно которого было уложено горящими углями. Стенки тондыра были сильно раскалены. Сноровистые женщины подкидывали к стенкам тондыра круглое тесто, поверхность которого ловко и быстро смазывали яичным желтком перышками от куриц. Через несколько минут тесто превращалось в аппетитные румяные лепешки. Лепешками щедро одаривали всех тех, кто находился рядом. Многие жили в селе очень бедно, их спасал только сад, выращенный ими, огород или домашняя птица. Как-то я была ошеломлена, когда увидела, что в холме вырыта нора, прикрытая тряпкой, а оттуда выходили люди. Да, там ютилась семья из пяти человек. Как такое возможно, удивлялась я? Почему им никто не поможет жить в нормальном доме?

Позже из разговоров взрослых я узнала, что некоторые сельчане на зиму берут домашнюю скотинку к себе в дом, и скотина живет всю зиму вместе со своими хозяевами. А у одних сельчан дети держали у себя в комнате маленького поросенка, баловали его, кормили жареной картошкой, завязывали красивые бантики. Правда, это были не азербайджанцы, а армяне, потому что азербайджанцы терпеть не могли свиней...

После папиных представлений мы обычно гостили в домах сельчан. Чаще всего они нас угощали яичницей с медом и овощами из собственного огорода и, конечно же, лепешками с чаем. Как-то бывший мясник рассказал нам за чаепитием, что ему нужно было зарезать барана к приезду именитых гостей. Он оставил на земле нож, потому что

должен был за чем-то войти в дом. Когда он вернулся, то не обнаружил ножа. Странно, не мог же он улетучиться? Он долго искал нож со своим братом, все еще не доверяя своим глазам. И оказалось, что это баран втоптал нож в землю и стоял на том месте, чтобы нож не смогли найти. Баран блеял после того как нашли нож, и слезы текли у него из глаз, как у человека. Мяснику стало жаль барана, после этого случая он отказался от своей профессии мясника. Все очень эмоционально восприняли этот рассказ. Стали говорить о чуткости животных, их преданности и любви к тем, кто с ними добр. А один из собеседников, человек с суровым лицом, сказал, что у людей, к сожалению, все наоборот. Люди трусливые и неблагодарные по своей природе. Если с ними ты добр, то они принимают тебя за существо слабое, пренебрегают тобой и лебезят перед теми, кто с ними груб и жесток. Большинство из собеседников согласилось с ним... Да, у многих были примеры его правоты...

Я как-то залюбовалась воронами, которые катали, как мячи по земле грецкие орехи. А одна бабушка рассказала мне, что это вороны приближают орехи к лужице, замачивают их в воде и, когда скорлупа становится податливой, долбят орехи клювом. Вот такие они хитрющие. А другая бабушка в цветном платке мне рассказала, как она подметила, что ворона пьет молоко из ее кувшина. Она стала завязывать горлышко марлей. А ворона клювом делала отверстие и пила молоко. Тогда бабушка стала завязывать горлышко кувшина тугой тряпкой. А утром встала и увидела, как ворона клювом медленно развязывает бечевку, сбрасывает тряпку на землю и пьет молоко.

Многие старики в селах были неграмотными и, когда брали у кого-то денег в долг, то вместо долговой расписки, выдергивали волос из своей бороды или усов и давали заимодавцу, назначая день возврата долга. Самое интересное, что возвращали деньги точно в срок и забирали оставленный у заимодавца волос от бороды и усов. Те им в знак одобрения говорили: «Машалла! Ты настоящий мужчина, не осрамил своей бороды».

Все это были неписанные правила высокой чести и морали у сельчан. Папу это восхищало, он очень ценил хорошие поступки людей. «Ими и красен человек», - говорил он.

Папа мой делал много новых иллюзионных трюков в клубах маленьких деревень. Для некоторых из них требовались полые куриные яйца. Помню, как мама иголкой прокалывала стенку яичной скорлупы, выдувала жидкость яйца. По внешнему виду такое яйцо на сцене выглядело как обычное.

Как-то папа отправился на рынок, чтобы прикупить яиц для номера. Как всегда, он не мог удержаться, чтоб не подшутить над продавщицей. Он разбил яйцо из кучки только что купленных, незаметным движением снял из правого пальца золотое кольцо и показал

продавщице: «Смотри, что я нашел в разбитом яйце. Наверное, курица нашла клад, склевала золото, вот отчего в яйце золотое кольцо. Придется мне скупить у тебя все яйца, я, наверное, там найду много золота. Продавщица сразу удвоила цену за проданные яйца, а потом ее, точно током ударило, глаза зажглись алчным блеском, и она закричала: «Не подходить к моим яйцам, они не для продажи! Стоять на месте!» Папа смеялся, говорил, что это его очередная шутка, однажды другой торговке он сказал, что у нее кошачьи яйца, и она тоже поверила. Но женщина собрала все яйца в узел, и, сердито посмотрев на папу, быстро побежала к своему дому.

Мы любили посещать маленькие сельские магазины, родители там искали что-то интересное из одежды, а я искала калейдоскопы. Мне они очень нравились, я пламенела от восторга при виде их: какие прекрасные узоры могут получиться от одного легкого поворота этой маленькой картонной трубки!

Иногда папа давал выступления днем под открытым небом. А я находилась где-то недалеко на лужайке, вслушивалась в громкий голос папы и наблюдала за чудесными очертаниями медленно плывущих облаков, словно выплывших из какой-то красивой сказки.

Но, случалось, что когда папа приезжал в какой-то городок или деревню, зрителям было не до него, потому что в клубе шел индийский фильм. Индийские фильмы были самыми грозными соперниками папы в его работе. Да, там тоже люди находились под гипнозом индийских фильмов, как в нашем городке. На дорогах стояли нищие и, подражая индусам, протягивали тощие коричневые от загара руки и просили милостыню. Чаще всего, тянули на одной ноте жалобную песню, очень схожую с индийской. Там, тоже, как у нас в Кировабаде, была в большой цене верность и любовь до гробовой доски, прививали детям строгий взгляд на жизнь, бескомпромиссные суждения. Помню, как маме рассказывали полную трагизма историю любви одной юной красавицы из семьи зажиточных азербайджанцев. «У нее были толстые косы до пят», - скорбными голосами говорили женщины (при этих словах женщины дружно показывали на свои пятки, не всегда чистые). Эта красавица полюбила бедного парня и хотела с ним бежать, потому что родители противились их браку. Я не все понимала из рассказа женщин: они говорили быстро, и не все азербайджанские слова я хорошо понимала и могла мысленно перевести на привычный для меня русский. Видно, моей маме тоже не все было ясно, потому что она все время молчала, глядя на тараторящие рты, и, когда женщины смотрели на нее выжидающе, для того, чтобы понаблюдать за эффектом от рассказанной истории, мама принималась притворно ахать. Короче, было ясно одно: побег не удался и влюбленные погибли от непонимания их жестоких родителей.

Через два месяца мы вернулись к себе домой, в Кировабад. Первое, что нам рассказали, и это нас удивило – весть о том, что Любаша и пианист Артем тайно встречались в гостинице. Любаша любила его и надеялась, что Артем на ней женится, а тот все твердил, что он не создан для семейных отношений. А однажды объявил ей, что его чувство к ней угасло, он ничего не может с собой поделать. Им пора расстаться. Любаша просила его не делать этого, она, мол, не вынесет разрыва. После его ухода Любаша написала предсмертную записку, где обвинила Артема в том, что он ее разлюбил, нанеся этим кровотокающую рану в сердце, отчего она решила прекратить земную жизнь. Пусть Артема всю жизнь терзает жгучая душевная боль за его жестокость. Потом, завязав глаза шарфом, Любаша выбросилась из окна гостиницы и разбилась насмерть. Артема вызывали в прокуратуру, просили объяснить, как это произошло, что по его вине девушка решилась на самоубийство. А Артем рассмеялся и сказал: «Она чокнутая. Посмотрите на мое рябое лицо, разве из-за такого, как я, можно убиваться?» Рассказывают, что шутка Артема в прокуратуре всех развеселила, и его отпустили с миром. А женщины нашего города осуждали Артема за бессердечие и только удивлялись, почему это Любаше надо было повязать глаза шарфом.

Потом мы узнали, что Эвелина полюбила всерьез молодого человека, моложе ее на целых тринадцать лет. Эвелина рассталась с судьей, который, то угрожал ей, то молил сжалиться над ним и не покидать его: разве какой-то сосунок сможет так ее любить и боготворить. Но Эва была неумолима. Твердила, что ей не нужны деньги, не нужен новый дом, для нее богатство – это ее новый возлюбленный. Она счастлива, потому что, наконец, полюбила, а то раньше она любила только на сцене. Судья сказал, что отольются кошке мышьи слезы, хлопнул дверью и ушел навсегда. Нового возлюбленного Эвы звали Юсуфом. Это был развязный и самовлюбленный малый. Кроме смазливой улыбки и высокой стройной фигуры он не обладал никакими достоинствами. Но любовь, как известно, слепа. Эвелина поспешила наделить своего избранника качествами и достоинствами, которыми он вовсе не обладал, а подняв на пьедестал, поклонялась ему. Юсуф был агрономом из небольшого городка Лачина. Он вначале окружил Эвелину вниманием, дарил цветы, говорил ей: «Я хочу умереть у твоих ног, Эва». У него была жена и двое детей. Но стоило Эве откликнуться на его любовный призыв, сблизиться с ним, как он охладил к ней. Зато Эва, очертя голову, отдалась этому своему новому чувству. А он приходил к ней с друзьями. Это было странное сборище, очень непохожее на актерскую братию, веселую и бесшабашную. Юсуф у нее барином. Делал при всех колкие замечания, заставлял ее за малейший промах просить у него прилюдно прощения. Чтоб подчеркнуть свое господство над ней, он приказывал Эве: «А ну, женщина, встань

передо мной на колени!» Эва становилась на колени, с мольбой глядя на него. Всех смущала непередаваемо унижительная картина. Как она могла позволить этому никомушному человеку так глумиться над ней? А Эву не тяготило ее любовное рабство, она словно не замечала своего оскорбительного положения. Затем Юсуф стал приезжать к ней все реже, прекратились когда-то щедрые подарки. Раз, Эва попрекнула его за это, назвала скупеньким, нельзя же все время пользоваться ее щедротами, надо иногда и самому тратиться. А он воскликнул: «Ты такая же продажная женщина, как и все Женщины любят только за богатство и положение. Я небогат, сам понимаю, что бедность унижительна. Так, что лучше нам расстаться». Эва долго унижалась после этого перед Юсуфом, плача, просила прощения и говорила, что ради него готова на любые жертвы. Как-то вечером Юсуф явился к Эвелине, стал просить одолжить ему большую сумму денег, так как у него, мол, карточный долг, над ним нависла угроза расправы. Эва в слезах прибежала к моим родителям, просила дать ей денег, чтобы спасти Юсуфа. Эва пообещала через день вернуть деньги моим родителям. У нее не было свободных денег, потому что все ее накопления были положены на сберкнижку. Папа дал ей денег в долг, но сказал, что Юсуф сделал очень коварный и хитрый ход. Вряд ли он явится к ней снова. Скорее всего, он взял у нее крупную сумму денег, чтобы исчезнуть. Эва обиделась за своего любимого, сказала, что нельзя так чернить человека, он всего лишь попал в беду. Но Юсуф после того вечера перестал ходить к Эве. Как и предвидел мой папа. Когда Эва звонила Юсуфу на работу, он испуганным голосом отвечал ей, что очень занят. У него в комнате много народа, нет времени даже перевести дыхание. Он обязательно перезвонит. Но Юсуф не перезванивал. Когда Эва пыталась снова объясниться с ним, к телефону подходили какие-то посторонние люди и говорили, что Юсуф в отъезде и неизвестно, когда вернется. Вскоре Юсуфа стали видеть в обществе молоденькой маникюрши. Эва очень страдала. Все время бегала к маме плакаться, просила совета, а иногда говорила, что теперь лучше понимает Любашу и своего брата, который не мог выдержать таких жестоких любовных мук и решил уйти из жизни. А о ней никто не будет горевать, если она покончит с собой, у нее же нет семьи... Папа, когда узнал о таких мрачных разговорах Эвы, очень рассердился на нее: «Пойми, самая неисправимая ошибка в жизни – это самоубийство. Остальное можно исправить и наладить... Перетерпи эту боль. Из-за этого ничтожного человека, почти вора, лишить себя жизни? Ведь, как я и говорил, он взял у тебя денег, чтобы сбежать от тебя. Радуйся, что ты избавилась от этого человека, хоть и большой ценой. Это была не любовь, а целое наказание тебе за твои грехи. Но все проходит... Господь поможет тебе обязательно. На смену слезам приходит смех. Никогда не забывай об этом».

Прошло почти полгода. Эва перестала горевать о Юсуфе, любовные раны ее затянулись. Она снова стала прежней. Давала много представлений. А после работы вновь смеялась, шутила, пела свои любовные романсы, принимала гостей, угощала жареными цыплятами, была счастлива, что опять воцарилась у нее радость, вернулся уют.

Наши соседи со второго этажа обменяли квартиру своей мамы, которая проживала в Тбилиси, с квартирой Эвы. Это был очень выгодный обмен. Эва переехала на жительство в Тбилиси, стала работать в театре. Вскоре стало нам известно об ее успехах на сцене. Она нам присылала письма с вырезками из газет, где были очень лестные для Эвы отзывы об ее игре.

В пустующую квартиру Эвы вселилась ненадолго семья русского рабочего Василия Серебрякова с пятью маленькими детьми. Им было там тесно, дети галдели и дрались, когда родители уходили на работу. Громче всех кричал мальчик по имени Влад, который обижал братьев и сестер, отнимал у них игрушки и еду. Все опасались его злобного языка, его притворства, умения ложь выдавать за правду. По законам нашего двора мы с ним делились во время наших игр конфетами и сладостями. А когда просили Влада поделиться чем-то, он всегда хмуро отвечал: «Мне и самому мало». Он почему-то был убежден, что все обязаны ему давать, а он может использовать других. Нам это очень не нравилось. Если б он умел быть добрым и вежливым, то еще полбеды, а то он ко всему прочему всем давал обидные прозвища, а сам болезненно реагировал на справедливые замечания. Как-то мы играли на улице, безрассудно бегали посередине дороги, по которой мчались машины. К нашим соседям приехал гостить из Баку мальчик по имени Миша. Так вот Влад изводил его насмешками. И когда они принялись бегать друг за другом, машина на большой скорости переехала Мишу. Для нас это было страшное зрелище. Мы от ужаса так и приросли к воротам нашего двора и увидели, что от недавно смеющегося мальчика Миши осталось только молчащее распластанное на асфальте окровавленное тело. Влад сразу же скрылся у себя дома. Я помню, как мы скорбели, долгое время для меня имя Миша было связано с этим трагическим случаем.

Вскоре Серебряковы уехали в какой-то другой город, и мы забыли о них. Их место заняли новые соседи – беженцы из Ирана. Фамилия их была Бейсад. Мне очень нравилась их семья. На новом месте они перенесли много трудностей. Потом устроился на работу муж. В их семье научились делать сахарных петушков на палочке, а наш двор стал пропитываться вкусными сладкими запахами. Старшая дочь Бейсад Зулейха продавала красные и зеленые петушки у ворот нашего дома. Так как напротив нашего дома находился кинотеатр «Смена», то это оказалось весьма прибыльным делом для их семьи. Вскоре у старшего их сына Али обнаружился высокий красивый голос. Он стал

подрабатывать деньги пением в чайхане. Там его встретила и полюбила дочь хозяина чайханы, и они вскоре поженились. Стали жить отдельно. А потом наши соседи получили трехкомнатную квартиру в новом здании, и их квартирка досталась нам.

Через три года к нам в гости приехала погостить из Тбилиси Эва с ее новым мужем, Сашей, преподавателем музыки в училище. Эва была счастливой и гордой, что она замужем, и что ее любят, исполняют всякие женские капризы, дорожат ею. Нам она показала фотографию их маленькой двухлетней дочери, которую они оставили у свекрови на время своего отъезда. Мои папа и мама, видя как упивается своим счастьем Эва, переглядывались и радостно улыбались.